

О.М.Здравомыслова. Открываем дискуссию. Мы будем вести ее вместе с Марией Седушкиной, которая является генеральным координатором Фонда «САМЮ Сосьяль Москва». Она внесла огромный вклад в организацию этой конференции – я хочу особо Машу поблагодарить.

Пользуясь правой ведущей, я задам первый вопрос Андрею Владимировичу Пентюхову - о новом законе по поводу бездомных, который инициирован, по-моему, лично Вами. Хотелось бы, чтобы Вы разъяснили, что это за закон и в чем суть новаций.

А.В. Пентюхов. Это не совсем новация, потому что над этими законопроектами я работаю уже девять лет. Они в разных редакциях трижды представлялись в Государственную Думу, их рассматривало Правительство Российской Федерации, все федеральные министерства, но, к сожалению, ни один раз они не были поддержаны. Не были поддержаны по двум причинам. С одной стороны, идет непонимание и смешивание проблемы бездомности и бродяжничества, а с другой стороны – отсутствие дополнительных финансов на реализацию этих законопроектов.

Если вкратце: что предлагалось этими законопроектами?

В первую очередь разделить, как я уже сказал, проблему на две составляющие. Это проблема бездомных людей, у которых нет регистрации по месту жительства, а все наше федеральное законодательство, касающееся реализации прав граждан, в том числе наложение обязанностей на граждан, основывается на положениях по месту жительства. И если у человека нет отметки в паспорте о регистрации по месту жительства, то человек оказывается вне закона.

Но самый типичный пример, который можно привести, это Закон о занятости населения в Российской Федерации, который позволяет признать гражданина безработным, направить его на обучение, выплачивать пособие только по месту жительства. Нет места жительства – человек не имеет права на реализацию данных прав.

То же самое, к примеру – Закон о воинской обязанности. Человека призвать в армию, то есть он должен исполнить свой воинский долг только при наличии регистрации по месту жительства, потому что весь воинский учет проводится только по месту жительства. То есть юридически бездомный человек оказывается вне правового поля.

Поэтому, с одной стороны, одна часть этих законопроектов направлена на устранение данного пробела. И мы предложили ввести новый вид регистрационного учета для бездомных граждан – именно для граждан, у которых нет регистрации по месту жительства (чистый паспорт), - в добровольном порядке, подчеркиваю, чтобы человек, заявив о своем существовании, получив соответствующее свидетельство о регистрации, мог реализовать свои права. И предлагается внести поправки во все законы, где написано: по месту жительства, а дальше через запятую: для бездомного по месту специального регистрационного учета.

И, естественно, комплекс мероприятий, направленных на социальную поддержку бездомных, потому что по сравнению с Москвой, конечно, в регионах ситуация намного плачевнее в плане развитости этой сферы.

Лица, которые не хотят менять свой образ жизни, которые живут на улице. Как я уже сказал, две трети из них не бездомные (у них есть жилье), но вместе с тем они избрали такой образ жизни, и их это все полностью устраивает.

Бродяжничество вместе с тем несет за собой и негативные последствия распространения инфекционных заболеваний, о которых я уже говорил (это педикулез и туберкулез). Это в первую очередь аморальные явления, с которыми приходится сталкиваться несовершеннолетним детям, которые видят этих людей непосредственно в общественных местах. Это и метрополитен, и прилегающие территории, и вокзалы в том числе. Поэтому мы заявили о том, что никто не лишает этих граждан права выбора места

пребывания, места жительства, места нахождения, где он хочет. Но вместе с тем реализация данных прав не должна нарушать права других граждан.

Многие правозащитные организации говорили нам, что вы нарушаете права граждан. На что мы говорим, что европейская Конвенция 50-го года о защите прав и свобод человека, которую Российская Федерация также ратифицировала (статья 5, пункт Е), говорит о том, что допускается законное содержание под стражей алкоголиков, наркоманов или бродяг. То есть международное право допускает принятие принудительных мер в соответствии с законом (опять же подчеркиваю) к лицам, которые избрали данный образ жизни.

Поэтому мы предложили, не нарушая прав граждан на выбор места пребывания, ввести механизм в виде обязательного регистрационного учета бродяг (людей, которые избрали образ жизни на улице) с обязательным медицинским обследованием и лечением в случае выявления инфекционных заболеваний. То есть человек, пройдя медицинское обследование, который не опасен для окружающих, не нарушает права других граждан, он волен выбирать место пребывания (может ночевать где угодно, где хочет, как говорится) – это его выбор, и мы этот выбор уважаем.

Но в первую очередь мы обеспокоены именно нарушением прав всего населения. Вот такой вкратце механизм предлагается. А если он уклоняется от данной процедуры...

Реплика Его отправляют в места заключения.

А.В. Пентюхов. Не места заключения, это аналогия ЛТП советских времен, специальные социальные учреждения, где он мог бы проходить и курсы наркологического лечения, и психологи, и психиатры, трудовая терапия. Это административная ответственность, это не уголовная ответственность - на основании судебного решения. Вот такой механизм был нами предложен.

О.М. Здравомыслова. Вопросы к Ксавье и Андрею Владимировичу и ваши высказывания.

Гефтер В.М. (*Институт прав человека*). Я говорю, что очень трудно обсуждать законопроектные идеи, о которых Вы сейчас сказали. Тренд, мне кажется, более или менее разумный, но дьявол как всегда в деталях. И поэтому сейчас невозможно, я думаю, оценить, насколько гарантированы права обеих категорий, которые Вы назвали, в подобного рода предложениях.

Поэтому я хотел сначала сказать о том, о чем сказала Настя Соснина. Есть две вещи: есть человек и есть проблема. Поэтому некоторое непонимание, мне кажется, состоит в том, что, конечно, наши общественные организации и замечательные люди, как Елизавета Петровна и другие здесь присутствующие, в первую очередь, мне кажется, призваны заниматься именно людьми, именно индивидуальными случаями, о которых Фонд Андрея Рылькова рассказал, и о многих других, которых вы знаете.

Чиновники, в первую очередь муниципальные, занимаются проблемами, то есть они не могут решать, у них нет таких возможностей, индивидуально, наверное, каждые. Поэтому вы апеллировали к совсем другой статистике, к общим вещам, которые, мне кажется, тоже должны вполне серьезно нами пониматься не как некий бюрократический извив, а как серьезное наблюдение за тем, что происходит. Потому что люди, кроме того, что они бывают исключены обществом, они очень часто бывают самоисключенными из жизни вообще и, в том числе, из того социума, где пребывают.

Но я хочу сказать о роли государства теперь в этом деле, которое здесь не выполняет того, что нужно (в нашем случае), а это первая задача – не навреди этим людям, которые или самоисключились, или исключились благодаря тяжелым жизненным обстоятельствам.

Приведу два конкретных примера из моей практики по наркопроблематике.

Первый пример. Я был членом комиссии по помилованию в Москве. В 99 случаях из 100 ни один общественник – член этой комиссии – никогда, ни один раз не проголосовал за то, чтобы наркозависимых, осужденных и отбывающих наказание в городе Москве в СИЗО с маленькими сроками и очень сомнительными приговорами условно-досрочно освободить. И это общественники, это не чиновники – от актрис до юристов. И это говорит о том (хотя вроде бы вы мне можете сказать, что проблема особо выделена в нашем общественном сознании), что это проблема не только государства, это проблема общества, которое сознательно исключает таких людей, даже оступившихся, предположим, хотя большинство, я уверен, не такие, из нормального к ним отношения.

И второй пример. Только что в Государственную Думу внесен и уже, по-моему, готовится ко второму чтению законопроект, который говорит, что в результате медицинского освидетельствования о всех лицах (не только служащих), у которых выявлено употребление наркотических средств и психотропных веществ, медики обязательно будут сообщать в наркополицию. Вот это тот самый пример, который относится к началу нашего разговора, когда мы говорили о том, чем займемся.

Наши депутаты, наши государственные мужи считают таким образом, что этим они способствуют излечению людей. На самом деле это прямо обратное – выталкивать людей из медицинского, социального, человеческого к ним внимания, выталкивать, чтобы они никогда не пошли ни к какому врачу. Это понятно. И поэтому они будут под страхом попадания на полицейский учет, а еще хуже – на административное преследование, я уже не говорю об уголовном – только потому, что так мыслят представители нашего государства.

Эти два примера показывают, в каком трудное поле попадают эти люди, какая бы причина исключения их из общества ни была. И «здоровая» (в кавычках, может быть) часть общества, и очень большая часть государства как раз работают на то, чтобы создать условия, не способствующие их выхода из этого исключенного состояния, а наоборот – пребыванию дальнейшему и усугублению их правового и иного статуса.

Б.А. Третьяк Учитывая, что очень много вопросов задавалось государственным служащим, которые принимают участие именно в городе Москве... Может быть, многие не владеют ситуацией, когда говорят, что нет ни одного места помывки в городе для бездомных граждан. Здесь то ли специально умалчивают о работе правительства Москвы, в частности Департамента соцзащиты, а также Центра социальной адаптации, или же это делается с другой целью. Но я хочу сказать, что в настоящее время в городе Москве есть Центр социальной адаптации, который имеет шесть филиалов. Они находятся по всей Москве. Плюс работа Центра разбита на три составляющих.

Первое – это помощь на улицах. 30 машин, которые работают в круглосуточном режиме, 5 автобусов, которые стоят на самых горячих точках – привокзальных площадях.

Кстати, эта уличная работа: за 2013 год мы на улицах города оказали 30 тыс. социальных услуг. Вдумайтесь, сколько лиц у нас получили разную помощь: в том числе и помывку, и одежду, и юридическую помощь.

Второе направление работы – это ночлег. Мы в этом году зимой развернули 223 койко-места для ночлежников. Этой услугой у нас воспользовались более 20 тысяч, именно лиц без определенного места жительства.

И третье направление – это стационарное. Ресоциализация, где проходят лица, которое прошли через приемное отделение и попали к нам на

ресоциализацию, уже сдав медицинские анализы. 16 тыс. человек. Это большие цифры.

Вы знаете, проблему решает, но недостаточно. Потому что мы даем человеку шанс. Индивидуальные подходы – Вы правильно сказали. Мы стараемся. Основное направление нашей сегодняшней встречи – именно человек, помощь человеку. Зачастую заскорузлость наших чиновников не позволяет нам это. Потому что из 500 сотрудников, которые работают в Центре, 250 занимаются именно социальной помощью. Но 250 мы содержим обслуживающий персонал: водители, бухгалтерия и другие службы. Деньги тратятся сумасшедшие. И индивидуальная работа с каждым человеком у нас практически не всегда получается. Мы стараемся это делать. Потому что адресная помощь каждому бездомному – это очень важный момент. И сейчас вся социальная работа в Центре перестроена именно на индивидуальную помощь, чтобы каждый социальный работник знал своего подопечного, а каждый подопечный знал, кто у него социальный работник.

И работа по поводу отправки - ведь наплыв большой - в Москву. Может быть, исторически сложно, ведь Москва такой город, в который едут со всей России. И не только из России. Едут и из СНГ, особенно из тех государств, которые стали независимыми, как Украина, Молдавия, Белоруссия.

Опять-таки вопрос о финансировании. Москва тоже не бездонная. Мы же существуем на дотации налогоплательщиков. И всю Россию обеспечиваем. Такие объемы лиц, которые приехали на заработки в Москву, и остались бездомными. И, как правильно сказал Андрей Владимирович, у нас, наоборот, идет тенденция получения бездомности с алкоголя и наркомании. Потому что стыдно возвращаться обратно, и они здесь «зависают» на вокзалах, привокзальных площадях, возле рынков и т.д. и т.д.

Конечно, мы до месяца берем всех граждан и отправляем домой. И кстати, не все возвращаются. Вчера был такой случай. Отправили в

Молдавию, а она даже на поезд не села - убежала под предлогом пойти в туалет. Деньги потрачены. Отправляли в Якутск на самолет – купили в благотворительной организации билеты, а он не поехал – убежал.

То есть заключать соглашение на отправку на ПМЖ - очень многие не хотят уезжать из Москвы. Те средства, которые потрачены на содержание, на питание. Вы вдумаетесь: у нас только в одном Центре в Люблине на улице Иловайской приготавливается котловое питание. 53 тыс. обедов за год было представлено. Кроме того, у нас привозное питание, которым мы обеспечивали порядка 80 тыс. человек. Кормление происходит иногда со станций, а также у нас во всех остальных Центрах пребывания. У нас один Центр вообще ориентирован на содержание лиц, которые освободились из мест лишения свободы – это Центр в Востряково. Сейчас там находится порядка 30 человек. Там совсем другая программа. Связь с родственниками: не все родственники хотят забирать своих подопечных. Но самое главное, что не все подопечные хотят уезжать к своим родственникам.

Где они «зависают»? Лица пенсионного возраста – они работать не будут и уже не хотят. Инвалиды. Пансионаты для ветеранов у нас тоже... – они же не ветераны. Не особо хотят, чтобы люди размещались, – те, которые являются заслуженными работниками культуры, искусства. Находились лица, которые отсидели свободы по 30-40 лет. Такой подход у нас.

Куда этих людей деть? У нас сейчас находится примерно 140 человек.

По поводу устройства на работу. Ведь каждый человек, который получает кусок хлеба, должен заработать этот кусок. Правильно? А где он может это сделать? Мы обращаемся во все организации. Мы обратились в 20 организаций, и практически ни одна организация нам не дала согласие на трудоустройство лиц, которые были с такой репутацией. Вот и все. Это наше общество.

Мы говорим об адресной помощи, о сердечности по отношению к каждому человеку. И зачастую действительно у нас жесткие требования к

алкоголю и наркомании. Но другого пути у нас нет. Праздники, кто получает пенсию – употребляют и не возвращаются, когда их отчисляют. Некоторые возвращаются.

Работа эта очень кропотливая, сложная. Я благодарен Фонду «САМЮ Сосьяль Москва» за то, что они тоже активно принимают участие. Очень много некоммерческих организаций принимают участие в помощи бездомным гражданам. Мы это видим. Но оно не должно переходить за грань какого-то иждивенчества. Здесь есть определенные моменты, когда мы их или перекормим, или недокормим: недокормить – плохо, они пойдут воровать, а если перекормим – мы порождаем иждивенчество.

Здесь программа должна идти с самого низа, должен быть воспитательный процесс. Появилось очень много бездомных граждан – тех, которые в 90-е годы попали под такой прессинг, который был в России. Те люди, которые вышли из тюрем, из детских домов, – эти люди никому не нужны. И восстановить себя в этом обществе очень сложно.

Проблем очень много, но я думаю, что мы их решим.

Анастасия Соснина . Я хочу прокомментировать. Потому что я говорила про душевые кабины – человек не может помыться. Я имела в виду, что нет такого места, куда человек мог бы придти и у него бы не спросили документы, не спросили, зачем он пришел, и чтобы это было в местах скопления людей. То есть у Вас в Центре это можно сделать, но при условии, что человек вступает в программу Центра. Правильно?

Б.А. Третьяк . Неправильно. Во-первых, мы принимаем без документов. Вообще прием идет и в зимний период, даже в нетрезвом, наркотическом состоянии.

Анастасия Соснина . Но только для бывших москвичей.

А.Б. Третьяк Ничего подобного. Мы принимаем всех. Просто потом мы бывшим москвичам предлагаем курсы ресоциализации и размещение до одного года и даже больше, если программа не решается по нашей вине и по

вине прибывающего, и до месяца всем иногородним гражданам. Помыться может любой человек. У нас каждый вечер в зимний период приходило до 150 человек помыться, оставалось 120-130, то есть помылся – и ушел.

У нас Центры развернуты по всей Москве: север, юг, восток, запад. У нас есть в мобильных службах, брошюры, где расписаны адреса, плюс еще две станции – вторая и шестая на Ярославском шоссе и на Дмитровке. Мест помыться – предостаточно. А когда предлагаем постираться на Дмитровке – не желают, хотя у нас есть и места, где можно переодеться. Даже гуманитарную помощь даем. Практически все обеспечены гуманитарной помощью, я имею в виду - вещевой.

О.М. Здравомыслова. Борис Александрович, я только хочу сказать Вам большое спасибо. Я хочу сделать только одну ремарку. Вы сказали, что, может быть, умалчивают сознательно о деятельности московского правительства в этом смысле. Нет. Я думаю, что здесь проблема того, что мы мало разговариваем друг с другом. Тем не менее нам кажется, что мы разговариваем, а на самом деле нет. *(Аплодисменты.)*

Я действительно искренне благодарна, что Вы пришли и вступаете в диалог, хотя, может быть, мы друг друга не всегда понимаем. Я уверяю Вас, мы проводим регулярно в Горбачев-Фонде конференции по социальным вопросам. Вы знаете, как бывает сложно, чтобы чиновник из московского правительства или из федерального органа пришел и участвовал. Это происходит редко. Они просто не хотят говорить. А в результате люди не знают о том, что делается государством.

Б.А. Третяк Дело в том, что у нас в прошлом году в координационный совет вошли около 30 общественных организаций. Все лица, все организации, которые занимаются бездомными гражданами в городе Москве, все находятся в координационном совете. У нас будет координационное собрание, где мы обсудим все насущные вопросы: обслуживание медицины, другие вопросы. Сейчас у нас будет заседание координационного совета по

трудоустройству. Мы все это обсуждаем, Просто, может быть, не так освещают эти вопросы в средствах массовой информации – это другой разговор.

О.М. Здравомыслова. Это проблема.

А.В. Пентюхов. Речь идет о московских предприятиях, в которые мы направляли запросы с просьбой взять бездомных на работу, и они отказывали. Да, эти предприятия отказывают. Но если взять информацию с официального сайта Федеральной службы занятости - TrudVsem.ru, вакансий – десятки тысяч, причем с предоставлением жилья, но с выездом. Из Москвы ехать никто не хочет.

Андрей Ушкарев (*организация «Родина без обездоленных»*). Мы не входим в координационный совет, хотя трижды в неделю выходим на улицы и работаем с этими людьми. И я имел честь и привилегию работать в Департаменте социальной защиты – это оставило, наверное, в моей голове хорошую память. У меня вопросы к Борису Александровичу и вопросы такого рода. Вот конкретная ситуация. Например, мы сидим на приеме, и приходит человек, приносит справку о помывке. Это удобно. Есть автобусы. И я смотрю, вдруг в справке начинает писать себе другую фамилию. Я спрашиваю: а чего ты себе выдумываешь другую фамилию? Он отвечает, что в Люблине уже все, у меня лимит закончился, меня туда уже не пускают ночевать.

Вы простите, что я проверяю сплетни, но в силу того, как Вы озвучили, я уже понял, что у нас мало информации друг о друге. Может быть, у меня мало информации. Например, здесь присутствует человек, у которого каждый день их дневной Центр стирает белье бездомным, и туда стоит огромная очередь. Эти Bosch-машинки не все успевают оформить.

В «Дмитровском» тоже был случай. Приходит один бездомный и плачет: он пришел в Центр социальной адаптации «Дмитровский», а его встретил дежурный. Но простите, я приведу цитату: «Он со мной по-

блатному разговаривает, какие-то тюремщики». Туда человека никакой палкой не загонишь. Вы понимаете, у меня нет оснований ему не верить.

Поэтому у меня к Вам несколько вопросов. Есть ли лимит на количество ночевок в Центре социальной адаптации? Второй вопрос. Проверяю слух, что сказали бездомные: закроетесь ли вы в апреле-мае, и как будут обстоять дела с ночевкой в летний период? И третий вопрос – риторический: как нам всем быть ближе? Мы пообщались с Борисом Александровичем и решили, что государство может немножко поучить нас, общественников – есть чему поучиться нам у вас. И мы, может быть, каким-то опытом поделимся. Пока эти горячие вопросы. Спасибо.

Б.А. Третьяк. Отвечаю на первый вопрос: есть ли у нас лимит. Лимит был создан больше для тех лиц, которые именно злоупотребляют этими услугами. Потому что основная задача Центра – это ресоциализация, вернуть человека в общество. И когда человек приходит, с ним работают соцработники, предлагают ему разные формы – и восстановление документов, и т.д. Человек игнорирует, уходит, меняет Центры: приходит в один филиал, потом в другой, для того чтобы просто жить на улице и ночевать. В зимний период у нас ограничений практически нет. Но если нетрезвый человек приходит, то, конечно, какие-то ограничения у нас есть. Но практически нет.

Второй вопрос. Количество мест для ночующих будет, конечно, ограничено, потому что необходимости содержать такой большой объем (200-300 мест) нет.

У нас сегодня ночевало порядка 90 человек.

Мужской голос. У меня еще одна реплика относительно наших каких-то стереотипов социальной работы.

Вот есть человек. Его последнее место прописки – предположим, Рязанская область. У него давно сожжены мосты, жена уже вышла второй раз замуж, родила детей. А у нас такой алгоритм: а, Рязанская область – давай-

ка, мой друг, отправим тебя в Рязанскую область. И то, что человек вышел из поезда или самолета в Якутию – это не его проблема, это проблема того социального работника, который не разобрался, а действовал, применяя один стереотип к каждому человеку. Потому что все случаи – строго индивидуальны. И наша задача – как раз разобраться, что случилось, что заставляет человека выбрать улицу, по какой причине.

Б.А. Третяк. Совершенно правильно. Индивидуально. Прежде чем человека отправить в тот регион на ПМЖ, откуда он приехал, мы связываемся с Центрами такой же социальной адаптации. Мы просто человека в никуда не отправляем. Если он не хочет – мы его не отправляем, он уходит на улицу. Потому что та программа, которая с ним заложена на отправку на ПМЖ к месту его постоянного проживания, не каждому подходит.

Еще вопросы есть?

Женский голос. Я хотела бы спросить: вопрос, который мы затронули, косвенно касается в большей степени бюджетирования и финансирования, потому что ЦСО «Люблино» - это государственно-казенное учреждение, которое финансируется из бюджета города Москвы, и Служба социального патруля финансируется из бюджета города Москвы. Но алгоритм придуман, наверное, не Андреем Владимировичем – отправки человека по месту его регистрации и переадресование его в те регионы и в те места, где он прописан и где он имеет полное законное право получать ту или иную помощь, они в государственной системе заложены.

И во Франции эта система работает по-другому. Там нет такой привязанности к городу, к регистрации в каком-то городе. Там даже иностранные граждане (как часть Евросоюза) могут получать на общем основании те же самые услуги. Есть ли какие-либо разговоры или какие-то подвижки в сторону того, чтобы все-таки подключить, может быть, федеральный бюджет по оказанию помощи бездомным людям?

Я работаю с женщинами на улицах, подавляющее большинство из них – это 80% - иногородние жительницы либо иностранки.

Делается ли что-либо для того, чтобы определенные виды помощи оказывались иногородним гражданам - не только их идентификация личности, восстановление документов и возвращение на улицу, но и какие-то, может быть, превентивные меры или подобного вида услуги? И как это работает во Франции, и какие плюсы и минусы это за собой несет? Я знаю, что с точки зрения бюджета Франции это тоже такой непростой вопрос.

А.В. Пентюхов. Давайте я сначала отвечу.

Во-первых, с учетом устройства Российской Федерации каждый субъект имеет свой бюджет, и, к сожалению, эта система регистрации по месту жительства привязывает человека к тому региону, где он зарегистрирован. Соответственно и бюджет рассчитывают и строят исходя из количества людей, проживающих в данном регионе.

Федеральное законодательство устроено таким образом, что оно передает полномочия по реализации и защите прав граждан на усмотрение субъекта, то есть сам субъект разрабатывает социальную программу, сам финансирует. Но есть, конечно же, мероприятия, которые финансируются за счет федерального бюджета. Но чаще всего это связано, когда речь идет об иностранных гражданах, которые пребывают на территорию России и совершают правонарушения, нарушают порядок пребывания на территории Российской Федерации и подлежат административному выдворению за пределы. Вот тогда уже за счет федерального бюджета им приобретаются билеты и они отправляются.

На своем уровне мы для иногородних граждан для их отправки к прежнему месту жительства приобретаем билеты за счет городского бюджета.

Будут ли какие-либо изменения в этом плане, мне, по крайней мере, не известно. И мне кажется, что в ближайшее время вряд ли что-либо изменится, потому что такое федеративное устройство нашего государства.

Женский голос. Законопроект, который разрабатывается сейчас, и нововведения о том, что человеку дана возможность зарегистрироваться в каком-то учреждении и т.д. и получить приписку, которая ему даст билет во все медицинские и социальные государственные учреждения, они как-то решат эту проблему?

А.В. Пентюхов. Тогда у человека не будет привязки, это уже в заявительном порядке – где он заявился, там и привязался, как говорится.

Жасур Файзиев. Меня зовут Жасур, я из Фонда «САМЮ Сосьяль Москва». Андрей Владимирович, я хотел у Вас спросить: Вы сказали, что в какой-то церкви (около какого метро я не расслышал) открыли палатку, где ночуют люди. Я хотел Вас спросить: они вообще-то к Вам не хотят или у Вас нет мест? Я уже много лет работаю в этой сфере – почти 10 лет. Я работал с организациями: «Дети улиц», «Армия спасения», «Врачи мира» и «Врачи без границ». Просто среди взрослых бездомных есть такое понятие, что там ничем не помогут, я имею в виду Центр «Люблино». Это первый вопрос.

Второй вопрос. Я хотел спросить еще об одном. Вы сказали, что всех инфицированных хотели положить в больницу, если я правильно понял. А у Вас в Центре «Люблино» бывают такие случаи? У Вас есть фтизиатры или пульмонолог? Среди инфицированных бывают открытые или закрытые формы. Как Вы их содержите? Спасибо.

А.В. Пентяхов. Во-первых, по поводу пункта обогрева. Пункт обогрева был открыт 21 января. Он был организован Отделом по церковному и социальному служению Русской православной церкви на территории храма, улица Николоямская. Он представляет собой тентовое укрытие плюс душевые, плюс камера для санобработки, для того чтобы люди могли пройти санобработку.

Еще раз повторю: да, мы знали, что будет востребованность, и для того чтобы подстраховать работу этого пункта обогрева, каждый вечер, каждую ночь мы направляли туда автобус, который стоял рядом.

Что получилось на практике? Тех людей, которые более-менее спокойно и в трезвом состоянии запускали в палатку, и в палатку набивалось более 100 человек (130, иногда доходило 150 человек), остальным предлагали пойти в наш автобус, для того чтобы поехать в Центр социальной адаптации.

Из той массы, которая была в этом автобусе, несмотря на то, что там не хватало мест, два-три человека (максимум) соглашались в ночь поехать. Свободные места у нас в эту зиму были, что удивительно. В эту зиму впервые были свободные места, потому что каждую зиму мы работали с переполнением. Это первый год, первая зима, когда были свободные места. Поэтому проблем с размещением людей вообще никаких не было. Почему они не хотят ехать – это пока остается вопросом.

Б.А Третьяк . Мы тоже эту проблему изучали. Самое главное, что в этой палатке работают наши бывшие сотрудники, которые уже ушли на пенсию.

Вопрос заключается в следующем. Это - Центр. Человек переночевал, встал – он обратно на своем рабочем месте. А от нас надо ехать на метро, на электричке, на общественном транспорте в то место, где он переночевал. Наш центр находится где? В основном на окраинах Москвы. «Востряково» находится за Солнцево, «Ясенево» – метро Теплый Стан, «Люблино» – в Люблине, «Дмитровская» - на севере Москвы. Если поставить на Красной площади, то там будет больше, и не захотят в наши центры ехать – 100%, хотя мы берем и пьяных.

Вы знаете, если просто переночевать, то не имеет значения, нравится или не нравится. Если каждый день тебя моют, дают чистое постельное белье...

Давайте поставим вопрос и риторику этой проблемы на нормальное, читаемое понятие для всех. Приходит человек или привозят этого человека, его осматривает медик на предмет педикулеза и пр. и потом он идет в душ – он нормально принимает душ. Ему дают талончик о том, что он принял душ, а затем он идет в приемное отделение, где ему дают чистые простыни и койко-место. И плюс еще питание.

Дело в том, что в нашем Центре работают порядка 47 человек – тоже бывшие прибывающие. Я понимаю, проблема с кадрами большая. Не каждый человек по зову сердца идет работать.

Наталия Ильинская. Я проректор Московского гуманитарного университета. Я работала с ними, помогала. По мнению господина Левинсона, наверное, я это делала для того, чтобы потом об этом забыть и больше не думать, но об этом можно поспорить.

Просто интересно, что г-н Ксавье Эммануэлли, которого я невероятно уважаю и преклоняюсь перед ним как специалистом и человеком, очень долго и подробно рассказывал о том, как люди приходят к такой ситуации. И я считаю, что он абсолютно верные, потрясающе умные слова говорил.

Последующее выступление Андрея Владимировича - мне показалось, что Вы не слышали его. Или его слышали, но Вы полностью игнорируете эту информацию. А я прожила два десятка лет во Франции и хочу сказать, что у этой страны есть чему поучиться. У этого уникального человека есть чему поучиться. И на самом деле было бы очень обидно, если бы вы сегодня ушли отсюда и продолжали действовать так, как вы действуете, не учитывая совершенно эти потрясающие, нужные, необходимые исследования для всех – и для России уникальные, которую я обожаю – это моя Родина. И для Франции. Просто нельзя закрывать глаза и затыкать уши, как это делаете Вы.

А.В. Пентюхов Во-первых, французский опыт мы изучаем с 2005 года, когда было подписано соглашение между мэрией Москвы и мэрией Парижа. И мы с нашими французскими коллегами уже давно стали друзьями. И опыт

французских коллег мы, естественно, учитываем в своей работе. Не зря я привел пример Центра дневного пребывания. То, чего у нас не было никогда. Мы его открыли, создали, но, к сожалению, востребованности нет этого учреждения. Мы будем разбираться, потому что он начал работать только с октября.

Аналогично мы с французскими коллегами создали, развили мобильную службу «Социальный патруль» - аналог «САМЮ Сосьяль Париж». Вы знаете прекрасно.

Почему люди не идут, и учитываем ли мы это? Да, мы учитываем. Еще в прошлую зиму собирались создать такие же пункты обогрева, ангары. Для чего и почему? Потому что мы изучали, почему к нам не идут. Потому что должна быть определенная шаговая пороговая доступность. Здесь он пришел – ничего у него не спросили, он упал – чистый, грязный – его так устраивает. Вот это, естественно, нужно создавать. Мы пытались это создать прошлой осенью. К сожалению, у нас не нашлось поставщика, кто бы нам эту поставку поставил, потому что мы по закону обязаны проводить конкурсные процедуры, но такого поставщика не нашлось. В эту зиму мы это обязательно сделаем, как говорится, со второй попытки.

Ксавье Эммануэлли. Я хотел бы вам сказать, что французы ни в коем случае не будут давать уроки – это точно.

Дело в том, что проблема социальной исключенности – это проблема, которая появилась во всех крупных городах мира. Было бы международное решение, то мы знали об этом, мы проводили такую работу. Так что каждый из нас обязан находить на месте решения – эмпирические решения, если так можно сказать.

Я думаю, что опыт позволяет нам продвигаться вперед. С каждым днем мы идем дальше вперед. Опыт накапливается.

Я знаком с г-ном Пентюховым, и мы часто с ним обсуждали эти проблемы. Мы говорили - и неоднократно - о проблемах социального

исключения. Я убежден в этом, потому что я сам испытал проблемы с городом, с государством – все передают эту «горячую картошку», не потому что люди злые, но чтобы не финансировать – это денежный вопрос.

И, в общем, по существу – это проблема. Я не критикую, потому что у нас во Франции свои трудности. Но то, что я думаю: это то, что врач или соцработник всегда имеет свой взгляд на этот вопрос.

С одной стороны, ты должен защитить группу, а с другой – ты должен защитить индивидуум. А у меня привилегия – я сейчас занимаюсь индивидуумом, а мои индивидуумы находятся в среде, в группе. Иногда, вы знаете, я часто считал, что есть противоречия между гражданином и индивидуумом. Что знает государство - государство знает такого усредненного гражданина, он не знает каждую отдельную ситуацию. И, кстати, это было бы нехорошо.

Так что мы обязаны идти по пути эволюции, но по такому срединному пути - указы, законы, правила для группы - и найти решения, наиболее наилучшие для каждого индивидуума.

Я лично как поступал? «САМЮ Сосьяль» - это срочная медицинская помощь в 1970-х гг. во Франции. Врачи едут к жертвам. То есть это госпиталь едет к больному. И вы знаете, это громадная система, очень тяжеловесная, дорогостоящая, профессиональная система. И вот в течение 30 лет из-за этого было гораздо больше пробок, затруднений с точки зрения движения.

Итак. Мы решили в духе этого «САМЮ» создать «САМЮ Сосьяль» - социальной срочной помощи. Наш принцип – это срочная служба. Я тогда не говорил об адаптации, о тех проблемах, которые возникнут после решения этой срочной проблемы. Медицинский срочный вопрос. А что значит социальный срочный вопрос?

И вот в течение всей моей карьеры всегда было противоречие между решением срочных проблем и решением адаптации, интеграции, что в каком-

то случае решение срочных вопросов должно нам помочь выйти из такого срочного момента. Это непереводаемо.

Иными словами, очень холодно, дикий холод. Хорошо, можно защитить людей – какую-то палатку поставить, ангар. Но мои товарищи из организации «Эммаус», а у них своя поговорка, карикатура, конечно: три месяца на улице и три года выйти с этой улицы. Потому что улица портит людей, они обескуражены – эти люди, проживающие на улице.

Понимаете, это другие перспективы, другие методы, другие места для решения долгосрочных проблем.

Я хочу также сказать, что касается территории. В своем выступлении я сказал, что люди в таких крайних, уязвимых ситуациях, они возвращаются к каким-то архаичным совершенно понятиям, то есть будущего у них нет. Они о будущем вообще не думают. У них своя территория, и они как бы завоевали эту территории – это нелегко завоеванная территория, например на метро, там, где тепло, но недалеко от булочной. Это территория, где они могут выжить, - это экономическая территория.

Вот почему часто им говорили: идите за нами, можно принять душ, мы займемся вами. Люди отказываются. Почему? Потому что у них эта территория, они завоевывали и если они покинут, то кто-то другой придет и займет эту территорию. Вот почему нелегко.

Но я хотел бы утвердить – может быть, я немного топорно говорю, – но никто не выбирает улицу, потому что улица – это ад. И даже если они сами говорят: это моя свобода, это я выбрал жить на улице и т.д., то люди страдают от парадоксальной гипердаптации. Чем больше они на улице, тем больше они адаптируются к улице. Чем больше они адаптированы к улице, тем меньше они адаптабельны. Другими словами, те правила, которые позволили им выжить, они совершенно иные, чем те правила, которые применяют в обществе.

Могу рассказать два анекдота. Конечно, привязываюсь к людям. У этих людей были страшные какие-то... и один хотел меня просто утешить и сказать: доктор, я не буду пить. Но будет трудно, но верьте мне, доктор. Неделю спустя он мне сказал, что он больше не пьет, он держится. Но проходит некоторое время и он выходит из этого центра социальной адаптации, где он был, он встречается со своими корешами и говорит им, что он больше не пьет. Но они ему говорят: давай, пойдём выпьем.

Понимаете, нет линейной карьеры. У них то вверх, то наверх. Идет давление на них. Вот почему надо проявлять терпение - еще раз. И все опыты, которые проводятся, будут полезными для всех. То, что происходит здесь, в Москве, нам пригодится в Париже. То, что происходит в Париже, что касается детей улиц... Теперь дети появились в Париже. Конечно, это мигранты. Так что никогда не бойтесь. Соответствие между требованиями, нуждами и средствами.

И вот эти большие проблемы, о которых вы сейчас говорили: туберкулез (это очень старая подруга человечества), алкоголизм, неправильное питание. Люди, которые проживают все вместе, постоянный стресс – это идеальная почва для туберкулеза. А лечение туберкулеза составляет 18 месяцев. Надо следить за людьми. Как быть? Полиция? Или, может быть, мобильные специализированные команды, которые будут за ними прослеживать? А сумасшествие? Как быть с этим? Вот почему, я думаю, что идеального решения не будет. Но я думаю, что эволюции здесь необходимы - мы должны вперед идти.

Но посмотрите: у нас во Франции после войны мы создали гениальную систему – это так называемая защита материнства и детства (РМА). Это не для матери, не для ребенка – это было для укрепления связи между матерью и ребенком. То есть следили за беременностью и следили за ребенком до 18 месяцев. Но с точки зрения количества это стало невозможным больше: кто будет платить за эту программу? Вы знаете, это психиатры. У них были

секторы – в определенном секторе больные. Но когда привозили людей, которые не жили в Париже, психиатры говорили, что они не в нашем секторе – он нам не нужен.

Я пытаюсь ответить на вопросы, которые были заданы. Я думаю, что мы на ощупь будем продвигаться вперед. Я не думаю, что надо как-то думать сразу о внедрении в общество. Есть люди, которые совершенно сломаны. Конечно, есть люди, которые пользуются этим. Но, в конце концов, мы можем их терпеть – это 10-15%, не больше. Но если бы я был на улице, как я поступил бы? Я пытался бы максимум извлечь выгоду из этого.

Мне кажется, что не надо вдаваться в слишком большие детали. Есть люди, которые пользуются этим, но, в конце концов, тем лучше для них. Потому что система не создана для очень большого количества людей. Я признаю все усилия, которые вы прилагаете, - я это вижу, я их ценю. Но знаете, что обмен опытом – это наилучший подход к делу. Потому что каждый из нас испытывает те же трудности, те же проблемы - во всем мире. Моя привилегия в том, что я врач и что я занимаюсь отдельными личностями, индивидуумами.

И, наконец, в наших рациональных обществах мы не можем считать, что это санитарно, это социально, это психиатрия. Но как быть? Надо медико-психо-социально. Надо, чтобы все это насквозь. Извините, что я так долго говорю.

О.М. Здравомыслова. Мы благодарны г-ну Ксавье и Фонду «САМЮ Сосьяль» за возможность этого разговора. И всем участникам мы тоже очень благодарны.

Я считаю, что проблему, о которой мы говорим - вызов социальной исключенности – может быть, одной из самых главных. Хотелось бы продолжить этот разговор, чтобы он не остался «разовой акцией».

Потому что многое происходит от непонимания друг друга. И нужно продолжать разговаривать. Совершенно точными были слова, которыми

закончил свое выступление Ксавье Эммануэлли: нужно терпение, нужно внимание и обмен опытом. И не надо демонизировать друг друга. Спасибо большое.

Мария Седушкина . Я тоже хотела бы поблагодарить всех участников и в особенности Департамент социальной защиты города Москвы, потому что Андрей Владимирович Пентюхов, конечно, представляет собой ту редкую породу государственных служащих, которые активно идут на диалог с некоммерческими организациями. Это очень здорово, что Вы сегодня пришли. Большое спасибо Вам и от Фонда, и от меня лично.

Действительно существует координационный совет, в который, я думаю, желающие организации, если они еще не принимают участие, могут попасть. Такие технические моменты по поводу взаимодействия перенаправления конкретных людей можно достаточно эффективно решать не только с Департаментом, но и между собой. Спасибо большое.